

Минометные и артиллерийские обстрелы немцы проводили, словно сверялись по часам, методично били по нашей линии обороны, которая до захвата нашими бойцами высоты 145,5 была у них как на ладони. Боеприпасы приходилось строго экономить, так как постоянно были перебои с доставкой патронов и гранат на передовую, ведь переправа через Волгу все время находилась под огнем противника. С питанием же на передовой вообще было очень туго, бывали дни, когда весь дневной рацион состоял из одного сухаря на бойца. Только после того как лед на Волге встал, снабжение бригады заметно улучшилось.

Обмундирование у многих было рваное, а обувь совсем разбитая. Как-то на нейтральной полосе лежал убитый немец в яловых сапогах, так бойцы решили с него эти сапоги снять, за неделю таких попыток добраться до трупа погибли четверо ребят: трое – от снайперского огня и один подорвался на mine. Но сапоги с немца все-таки сняли...

Самым критическим в сталинградских боях для бригады стал день 25 октября, когда, прорвав нашу оборону в зоне сводного курсантского полка, немцы вышли к Волге в районе Бекетовской водоканалки и Купоросной балки. Ночью был получен приказ: «Любой ценой восстановить положение!». За день 26 октября 1942 года бойцы шесть раз ходили в атаку, отбивали свои позиции и снова откатывались назад под немецким натиском, и опять с боем возвращали утраченную линию обороны. В этот день начались рукопашные схватки, которыми заканчивалась каждая наша атака. На поле боя ногу негде было поставить – настолько всё вокруг было завалено телами убитых как наших, так и немецких солдат.

Когда бойцы закрепились на этих «новых-старых» позициях, стали подсчитывать, сколько людей осталось в строю после шести атак. Так, в одной роте из 120 человек осталось 27 красноармейцев, в другой уцелело всего 9 человек. За октябрь-ноябрь 1942 года состав рот поменялся как минимум 2–3 раза. А в 62-й армии у тех, кто воевал в центре Сталинграда, потери были еще больше. Сейчас пишут, что рядовой боец до своей гибели воевал в центре Сталинграда сутки, лейтенант – 3 дня, а в 97-й бригаде красноармейцы держались в строю несколько дней, обычно пока не убиты или не ранят...

Если до боёв 26 октября бригаду все время пополняли, то после вообще перестали присылать пополнение, и когда 19 ноября началось общее наступление, то пришлось в него идти остатками батальонов, бойцов никто не сменил, бригада не дождалась отвода в тыл на переформировку. На участке дедушки наступление началось 23 ноября, в атаку пошли без артподготовки, только дали один залп наши «катюши», да промазали, почти по своим попали. Бригада целый месяц выдавливала немцев с позиции, но окруженные немцы очень грамотно оборонялись, отбить у них сто метров территории считалось очень успешным продвижением по фронту. Все бои с конца ноября шли фактически за каждую стену, за развалину дома. Бригада теряла здесь своих последних бойцов, выдержавших весь ад осенних боев...

28 декабря прадедушку ранило в ногу. Несколько дней он лежал в сарае, в котором когда-то хранили арбузы. Раз в сутки к ним приползали санитары, чтобы накормить раненых. Началась гангрена, и левую ногу пришлось в тех условиях отпилить пилой, оставив всего 15 сантиметров.

За эти бои все оставшиеся в живых бойцы были награждены орденами и медалями, прадедушка получил орден Отечественной войны за ноябрьские бои. Медаль «За оборону Сталинграда» вручили в марте 1948 года. Позднее прадедушка был награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне